

УДК 94(37)

DOI 10.52575/2687-0967-2024-51-3-565-576

Оригинальное исследование

Два нарративных образа: римляне и варвары в контексте чистоты нравов

Бредихин В.В.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

E-mail: bredikhinvv@mail.ru

Аннотация. В статье исследуются два нарративных образа – римляне и варвары – в позднеантичной нарративной традиции (IV–VI вв.) с акцентом на чистоту нравов. Основное внимание уделяется сравнительному анализу моральных характеристик, приписываемых римлянам и варварам, как они представлены в трудах известных историков и писателей того времени, таких как Аммиан Марцеллин, Аврелий Августин, Павел Орозий, Сальвиан Марсельский, Клавдий Клавдиан, Иероним Стридонский и других. Автор рассматривает специфику использования образов варваров римскими авторами для критики собственного общества в целях высвечивания упадка нравов и моральной деградации римлян. В произведениях избранных авторов варвары часто изображаются как жестокие и дикие, однако иногда им приписываются такие добродетели, как простота, единство и стойкость, что контрастирует с роскошью, изнеженностью и коррупцией римлян. Таким образом, анализируется двойственная роль варваров в римской литературе – как врагов и как носителей определенных добродетелей, утраченных римским обществом. На основе сравнительного анализа текстов выявляются основные мотивы и риторические приемы, используемые для создания контрастных образов римлян и варваров. Особое внимание уделяется тому, как эти нарративные стратегии служат для обоснования необходимости морального и религиозного возрождения Римской империи. В статье также рассматривается влияние христианской идеологии на восприятие и изображение варваров в литературе того времени.

Ключевые слова: римляне, варвары, Поздняя Античность, нравы, пороки

Для цитирования: Бредихин В.В. 2024. Два нарративных образа: римляне и варвары в контексте чистоты нравов. *Via in tempore. История. Политология*, 51(3): 565–576. DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-3-565-576

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

Two Narrative Images: Romans and Barbarians in the Context of Purity of Morals

Vladimir V. Bredikhin

Belgorod State National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia

E-mail: bredikhinvv@mail.ru

Abstract. This article examines two narrative images – the Romans and the barbarians – in the late antique narrative tradition (4th – 6th centuries) with an emphasis on purity of morals. The main focus is on a comparative analysis of the moral characteristics attributed to the Romans and barbarians, as they are presented in the works of famous historians and writers of the time, such as Ammianus Marcellinus, Aurelius Augustine, Paulus Orosius, Salvianus of Marseilles, Claudius Claudianus, Hieronymus of Stridon and others. The article examines the way Roman authors used images of barbarians to criticize their own

society, emphasizing the decline of morals and moral degradation of the Romans. In the works by the authors, barbarians are often portrayed as cruel and uncivilized, but they are sometimes credited with virtues such as simplicity, unity and fortitude, which contrast with the luxury, effeminacy and corruption of the Romans. Thus, the dual role of barbarians in Roman literature is analyzed – as enemies and as bearers of certain virtues lost by Roman society. Based on a comparative analysis of texts, the main motives and rhetorical devices used to create contrasting images of the Romans and barbarians are identified. Particular attention is paid to the way these narrative strategies are used to make the case for the moral and religious revival of the Roman Empire. The article also examines the influence of Christian ideology on the perception and portrayal of barbarians in the literature of that time.

Keywords: Romans, barbarians, Late Antiquity, morals, social vices

For citation: Bredikhin V.V. 2024. Two Narrative Images: Romans and Barbarians in the Context of Purity of Morals. *Via in tempore. History and political science*, 51(3): 565–576 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-3-565-576

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Современная историческая наука характеризуется повышенным интересом к «маргинальным» проблемам, долгое время не являвшимися предметом исследования как отечественных, так и зарубежных историков. Одной из таковых является проблема идентичности – множество ученых исследуют «как формы самоидентификации человека прошлого, так и способы конструирования индивидуальной и коллективной идентичностей» [Семичева, 2019, с. 236]. Вследствие этого представляет значительный научный интерес исследование проблемы в рамках эпохи, отличающейся своей многогранностью, сложностью, процессами трансформации основных социальных институтов, а также имеющей сходные черты развития с современной цивилизацией.

Все вышеуказанные характеристики, на наш взгляд, относятся к позднеантичной эпохе – именно в этот исторический период мы можем наблюдать синтез двух противоположных миров – римскую «цивилизацию» и варварскую «дикость», упадок имперских институтов во всех общественных сферах (на Западе), изменения различных аспектов как индивидуальной, так и коллективной идентичностей. Данные феномены наиболее полно могут быть исследованы представителями таких направлений исторической науки, как микроистория, имагология, история ментальностей и др., «сквозь призму мировосприятия наиболее характерных представителей тогдашней культуры» [Литовченко, 2011, с. 28]. Дихотомия «римляне – варвары», по мнению У. Пола, «не может полностью объяснить сложный процесс социальных и культурных изменений, происходивших в позднюю Античность на территории империи и за ее пределами» [Pohl, 2013, p. 3], следовательно, обозначая романо-германские отношения как систему, представляется необходимым проанализировать и их составные части – определенные сферы действия, направления развития, а также специфические черты их фигурирования.

Одним из наиболее масштабных и трагичных событий позднеантичной эпохи стало падение Западной Римской империи. Анализ исследований, посвященных данной проблеме, позволяет сделать вывод о множественности точек зрения и оценок относительно хода и причин исчезновения великой римской державы и трансформации политической карты на латинском Западе. Однако все ученые сходятся во мнении о наличии кризиса в империи, сопровождающегося как внутренними, так и внешними факторами. Кризисные проявления коснулись всех сфер жизни общества, «многочисленные проблемы внутри государства и постоянные вторжения извне привели в итоге к его ликвидации» [Дрягунов, 2009, с. 69]. На наш взгляд, наиболее интересной с научной точки зрения представляется социальная сфера: мы располагаем достаточно обширной источниковой базой, в которой отражаются различные аспекты данной области общественной жизни. Это обуславливает и тот факт, что построение целостной картины

кризисной империи невозможно без исследования мыслей и чувств представителей римского общества, чьи письменные свидетельства дошли до нас.

Значительной проблемой, вызвавшей социальный кризис в Западной Римской империи, на наш взгляд, стало падение нравов в римском обществе – деморализация общественной жизни. Процесс развил определенную тенденцию в нарративной традиции: вместе с описанием элементов деморализации римского общества формировались и нравственные образы представителей «другого» мира – варваров. Всё это коррелирует во многих аспектах с современным обществом, в котором образ «Другого» активно эксплуатируется в политических целях, что свидетельствует об актуальности исследования данной проблемы. Представляется необходимым выявить основные направления и формы деморализации общественной жизни, настроения представителей римского общества, а также характерные черты образов римлян и варваров в контексте нравственности.

Объект и методы исследования

В качестве объекта исследования выступают нарративные образы римлян и варваров, представленные в письменных памятниках позднеантичной эпохи (IV–VI вв.). Исследование охватывает труды следующих авторов: Августина Блаженного, Аммиана Марцеллина, Анонима Валезия, Боэция, Виктора Витенского, Григория Назианзина, Григория Турского, Иеронима Стридонского, Клавдия Клавдиана, Либания, Павла Орозия, Приска Панийского, Пруденция, Сальвиана, Сидония Аполлинария.

Для достижения поставленных целей использовались следующие методы: *литературный анализ первоисточников*, применение которого позволило идентифицировать и определить необходимые для исследования исторические источники, а также провести их текстуальный анализ с целью выявления определенных мотивов, нарративных стратегий и риторических приемов, используемых для создания образов римлян и варваров; *сравнительно-исторический метод*, с помощью которого были исследованы противопоставления моральных характеристик римлян и варваров, упоминаемых в позднеантичной нарративной традиции, выявлены и проанализированы способы применения образов варваров для критики собственного общества, сравнены добродетели и пороки, приписываемые римлянам и варварам, а также охарактеризовано их символическое значение в контексте морального упадка Римской империи; *историко-культурный метод*, позволивший проанализировать влияние политических и социальных изменений, а также христианской идеологии на восприятие и дальнейшее формирование нарративных образов римлян и варваров; *имагологический метод*, посредством которого был раскрыт как образ «чужого» (варвара), так и образ национального самосознания и собственной системы ценностей самих римских авторов.

Результаты и их обсуждение

Упадок нравов в позднеантичном римском обществе проявлялся во множестве форм, но что явилось причиной их развития и распространения? На этот вопрос позднеантичные авторы предлагают различные точки зрения: так, римский историк Аммиан Марцелин в своих размышлениях уходит ко времени республики: «Величие древнего Рима было основано на редком и почти невероятном союзе удачи и доблести. <...> Твердый и прочный мир... сменил кровавую революцию республики» (Amm. Marc. XIV, 6). Именно сенаторы, по мнению историка, «...предались постыдным образом самым ничтожным порокам и разврату» (XIV, 6).

Иная точка зрения прослеживается в письмах Сидония Аполлинария: «виновниками» распространения пороков в обществе являются *gnatho* (дармоеды) – «люди постыдные... которые даже не считают преступными свои грязные стремления и с отвратительным смехом говорят о них» (Sid. Ep. III. 13). Сидоний также называет их паразитами. Сам термин «паразит», имеющий греческое происхождение (*παράσιτος*), первоначально обозначал «лицо, распорядившееся в афинском пританее общественным столом» [Стасюлевич, 2001,

с. 97], затем лексическое значение понятия наполнялось все более негативным содержанием, в итоге оформившееся в описание «всякого питавшегося на чужой счет» [Там же], для которого «чужой хлеб – самый вкусный» (III. 13).

Марсельский пресвитер Сальвиан предлагает еще один вариант размышления: «...почти все варвары, принадлежа к одному племени и управляемые одним королем, связаны друг с другом, а у римлян почти все преследуются обоюдно. Какой гражданин у нас не ненавидит другого гражданина?» (*Salv. De gub. Dei* V, 4). По мнению Сальвиана, именно взаимная ненависть римлян друг к другу, явившаяся результатом перехода от коллективистского общественного устройства к индивидуалистскому, является причиной упадка нравственной культуры римского общества. Следует также заметить, что автор представляет варваров в более «привлекательной» форме, предлагая их «коллективизм» в качестве образца для римлян. Иными словами, «более престижной становится германская идентичность» [Терещенко, 2015, с. 175]. Продолжая развитие этой тенденции, Сальвиан приходит к выводу, что «римляне гораздо большие враги самим себе, чем их внешние неприятели, и, хотя варвары уже нанесли им поражение, они теперь сами довершают свое собственное разорение» (VI, 13). О разобщенности римлян, а также об образце единства варваров пишет и Павел Орозий: «Прежде, когда войны бушевали по всему миру, всякая провинция жила со своими правителями, по своим законам и по своим обычаям, и не было общности отношений, когда вступали в борьбу разные интересы; что же наконец привело к единству вольные варварские племена, которых, соблюдавших священные культы, разобщала сама религия?» (*Oros. V*, 14).

Причиной разобщенности римлян, по мнению римского христианского поэта Пруденция, являются варварские вторжения, распространявшие свои безнравственные обычаи и традиции среди римского общества:

«Истощено, свирепое, в многих стязаньях
Варварство, силою чьей святого насельники града
Осаждены, чей огонь и железо мужей утесняли;
Но общественный мир на частной созижден приязни –
В поле, на стогах. Раздор домашний ввергает державу
В бедствия; что распалось внутри, то шатко снаружи.
Так блюдитесь, мужи, несогласных чтоб не было мнений
В чувствах наших, чтоб секта у нас не взросла чужеземна,
Тайною ненавистью возжжена, – ведь расколота воля
Сердца глубины мутит состязаньем влечений противных.
Пусть наши думы любовь сопрягает; пусть наши жизни
Рвением дышат одним. В чем есть разделенье, то шатко».

(*Prud. Psych.* 753–764) [пер. с лат. Р.Л. Шмараква, 2012].

Иную причину в разобщении римлян видит Григорий Назианзин, а именно в распространении арианской ереси: «Правда, что мы худо наблюдаем друг у друга обстоятельства каждого и, расторгнув единокорные разноверием, едва ли не более стали бесчеловечны и жестоки один к другому... не говорю уже, что поражаем не чужие чужих, не иноязычные иноязычных (что было бы хотя малым утешением в бедствии), но, принадлежащие почти к одному дому, расхищаем и (если угодно), члены одного тела, истребляем друг друга и сами истребляемся» (*Greg. Naz. Verb.* XXXIII). И снова автор приводит римлянам в пример варваров: «нежели самые варвары, которые ныне воюют с нами и которых соединила разделяемая ныне Троица» (*Ibid.*).

Теологическую концепцию развития и распространения пороков в римском обществе предлагает Аврелий Августин, выступивший против язычников, обвинявших христиан во взятии и разгроме Рима вестготами в 410 году: «Подвергаются наказаниям вместе не потому, что совместно вели дурную жизнь, а потому, что совместно (хотя и неравномерно, но,

однако же, совместно) любили жизнь временную, которую добрые должны были бы презирать, чтобы дурные, будучи обличены и исправлены, наследовали жизнь вечную (а если бы не захотели быть в наследовании ее союзниками, пусть бы были терпимы и любимы как враги: ибо пока живут всегда остается надежда, что они изменят свою волю к лучшему)» (Aug. De Civ. Dei. I, 9). Согласно данной точке зрения, упадок нравов в римском обществе в позднеантичную эпоху связан с трансформацией взглядов римлян на жизнь: вместо того, чтобы задумываться о жизни в «Граде Божьем», они проживают лишь жизнь временную в «Граде Земном», не обращая внимания на аморальность своих желаний и поступков. Причем, как замечает Аврелий Августин, «боги-хранители [языческие боги] должны бы были позаботиться о том, чтобы дать предписания о нравах и образе жизни этому народу, воздвигнувшему в их честь столько храмов, назначившему столько жрецов, приносившему столько жертв и установившему столько празднеств и пышных игр. Но эти демоны заботились только о себе, почитателей же своих всячески развращали» (II, 22). Анализируя высказывание Августина, исследователь В.М. Тюленев приходит к следующим выводам: «Гиппонский епископ... делает демонов ответственными за то, что они, во-первых, с помощью обмана выдали себя за богов, требуя к себе уважения и почитания; во-вторых, своими аморальными примерами увлекли людей на ложный путь, а потому именно демоны виновны в развращении людей и падении нравственности, а также результатом их деятельности являются войны и преступления» [Тюленев, 2004, с. 29].

Демонологический аспект в контексте развития и распространения пороков прослеживается и в письмах Иеронима Стридонского: «Мы легко чуждаемся других пороков; но враг, о котором мы говорим, заключен в нас самих... Куда мы ни пойдем, они везде с нами» (Hier. Ep. XXII).

Таким образом, ряд мнений современников относительно источников генезиса, развития и распространения пороков в позднеантичном Риме свидетельствует о важности и отчасти критичности данной проблемы для дальнейшего развития общественной жизни во избежание начавшихся и все более развивающихся самоистреблений и саморазложений прежде единого населения Римской империи.

Какие же пороки римского общества были вызваны вышеуказанными причинами? Одним из наиболее значимых представляется *безжалостное отношение к социально незащищенным группам населения*, характеризующееся жестокостью и аморальностью высших слоев общества. Сальвиан, описывая ненавистную ему действительность, задается вопросом: «существует ли такой город, в котором начальники не пожирали бы средства к существованию вдов и сирот, а вместе с тем и всякую святыню?» (Salv. De gub. Dei V, 4) и приходит к следующим выводам: «...только тот и безопасен, кто имеет силу подвергать другого опасности» (V, 4), «слабейшие служат опорой сильнейшим» (V, 6). В «Римской истории» Аммиана Марцеллина также описывается данный порок в отношении высшего общества: «он [представитель высшего общества] распоряжается повелительным тоном и требует, чтобы предметы общего употребления были отданы в его исключительное пользование» (Amm. Marc. XIV, 6). Позднеантичный ритор Либаний также отмечает: «из тех, кто составили себе большие состоянья, найдешь немало ограбивших других» (Lib. Orat. VIII, 9), он пишет также, что они обращаются с бедняками с пренебрежением, называя их «жалкими»: «в то время как этот господин стонал и называл их жалкими, группа людей, принявших ванну, со светильниками шумно шла на обед, где было все, кроме нектара и амброзии» (VIII, 3). В «Готской истории» Приск Панийский повествует о встрече и диалоге с бежавшим от завоеваний Атилы скифом; последний утверждает: «Бедствия, претерпеваемые римлянами во время мирное, тягостнее тех, которые они терпят от войны, по причине жестокого взимания налогов и притеснений, претерпеваемых от дурных людей» (Prisc. Goth. Hist. 8), на что Приск ему отвечает: «римляне поступают с рабами гораздо снисходительнее, чем варвары. Она обращаются с ними, как отцы или наставники. Они учат их воздерживаться от дурных поступков и делать то, что почитается честным» (Ibid.). Таким образом, о проблеме безжалостного отношения к социально

незащищенным группам римского общества в позднеантичную эпоху упоминает значительное число современников, причем не только из римской среды, о чем свидетельствует диалог дипломата Приска Панийского со скифом.

Данное проявление деморализации общественной жизни, по мнению французского историка Ж. Мишле, явилось причиной развития и распространения других пороков в римском обществе: упадок нравов в нем был вызван неспособностью общества возобновлять и приумножать свои богатства: «постоянно потребляя, но не производя более, после того как производящие сословия были разорены рабством, общество требовало все более и более от земли, а руки, с которыми обрабатывалась эта земля, с каждым днем становились все многочисленнее и неспособнее» [Мишле, 2001, с. 75]. Подобное стремление нажиться прослеживается и в поэме Клавдия Клавдиана «Против Руфина»:

«Но возрастает преступная страсть, пылает в Руфине
Жажда новых добыч, не сдержать нечестивую жадность
Чувству стыда: сплетает он лесь и таит вероломство,
Руку сводит с рукой и сам разрывает пожатье.
Если же вдруг встречал он отказ своим притязаньям, –
О, каким огнем вскипало надменное сердце!»

(Claud. Claud. *In Ruf.* 220–225) [пер. с лат. Р.Л. Шмаракова, 2008].

В отношении варваров, в частности готов и вандалов, безжалостное отношение к социально незащищенным группам населения позднеантичными авторами не отмечается – напротив, приводится ряд фактов для их сравнения с деморализованными римлянами. Так, Сальвиан отмечает: «Позвольте мне вначале сказать об их [варварах] любви и милосердии... Почти все варвары, по крайней мере те, которые принадлежат к одному племени, управляются одним вождем, любят друг друга, тогда как почти все римляне в раздоре друг с другом» (Salv. *De gub. Dei* V, 4). В связи с этим можно утверждать, что варварское «человеколюбие» (по отношению к своим соплеменникам), лежащее в основе их «коллективизма», является, во-первых, одним из самых значимых достоинств варваров в глазах римлян, во-вторых, фундаментом, на котором держатся их нравы. Иной точки зрения придерживается епископ провинции Бизацена Виктор Витенский, описавший события вандальского завоевания Северной Африки: им были определены «образы вандальской жестокости: ярости, неистовства, суровости, бесчестия, зверства, кровожадности, проявлявшихся как к местным жителям североафриканских провинций, так и к своим соплеменникам, перешедшим на сторону первых в области веры и приобретшим впоследствии статус предателей» [Бредихин, 2023, с. 89]. Так, Виктор Витенский отмечает в отношении внутриварварских конфликтов: «он [Гунерих – король вандалов] начал жестоко преследовать сыновей своего брата Теодерика, равно как и сыновей Гентона, также его брата. И из них он не пощадил никого, если бы смерть не распорядилась по-своему, вопреки его воле» (Vic. Vit. II, 5), а также в отношении социально незащищенных слоев населения Северной Африки: «даже невинных детей, младенцев, насильно отнятых от материнской груди, ярость варваров разбивала о землю...» (I, 2), «когда старики, да и многие другие, даже цветущие юноши сильно ослабли, их начали бить камнями и заостренными кольями, чтобы заставить уйти, отчего многие обессиленные претерпели ужасные муки (II, 11).

Лицемерие, хвастовство, скупость, корысть также являются неотъемлемыми характеристиками позднеантичного римского общества. Описывая римского *gnatho*, Сидоний Аполлинарий отмечает: «когда просят их [*gnatho*] об услуге, они показывают большую готовность, но хитрят, когда нужно сдержать слово» (Sid. *Ep.* III, 13), также автор приписывает им следующие качества: «хвастун, привыкший к побоям» (Ibid.), «еще больший охотник поклеветать» (Ibid.). Римский историк Аммиан Марцеллин подробно описывает

распространившуюся в высшем обществе корысть: «малейшее подозрение в прилипчивости болезни... освобождает от обязанности посещать самых близких друзей <...> Если смерть приятеля принесет хоть какое-нибудь наследство, то сенатор, даже страдающий от подагры, пройдет пешком до Сполетты» (Amm. Marc. XIV, 6). Скупость представителей римского общества характеризуется Сальвианом как «зло, свойственное всем римлянам» (Salv. *De gub. Dei* VII, 15). Продолжая объяснение своей демонологической концепции относительно развития и распространения человеческих пороков, Иероним Стридонский также отмечает: «и в такой степени молодых людей сокрушает скупость, надмекает гордость, тешит честолюбие» (Hier. *Ep.* XXII).

Аналогичные характеристики присущи и образу варваров. Так, повествуя о событиях вандальского завоевания Африки, Сальвиан подчеркивает: «Они ступили на ... самую богатую землю и были отравлены изобилием и роскошью... Кто сомневается, что вандалы ... бросились бы в самую трясиину греха и нечистоты? Или, говоря более сдержанно, повторяли бы поведение жителей Африки, на чью землю они переселились?» (VII, 20). Однако, по сообщению Сальвиана, мы не можем приравнять степени распространения пороков в римской и варварской среде: «они [вандалы] входили в богатейшие города ... и захватывали самых распутных. Они отвергали их преступные привычки и принимали то, что хорошо, избегая разрушающего влияния греха» (VII, 21). Помимо описания вандалов, Сальвиан также упоминает и аланов, сравнивая их с римлянами-христианами: «...жадность у аланов так же достойна порицания, как и у верующих?» (IV, 12). Однако риторический вопрос автора всё же представляет первых «гораздо выше по нравственным качествам, чем римлян» [Зобнина, 2004, с. 152]. Римский философ Боэций тоже обращает внимание на корыстолюбие варваров: «сколько раз несчастных, которые постоянно подвергались козням из-за непомерного и безнаказанного корыстолюбия варваров, защищал я от опасностей, пользуясь своей властью!» (Boeth. *Cons. Phil.* IV). Таким образом, варвары представляются более высоконравственными людьми, не поддающимся искушениям греховного мира: исключения, безусловно, были, но не столь массовыми, как у римлян.

Достаточно частым упоминанием в позднеантичной нарративной традиции является *пьянство*. Этот порок расценивается как характерная черта *gnatho* – «любителя попьанствовать» (Sid. *Ep.* III, 13), и представителей римской армии: «чрезмерное пищевое довольствие и пьянство ослабляли их [солдат] энергию» (Amm. Marc. XXI, 12), и начальников городов: «пьянство достигает таких размеров, что однажды начальники города решились покинуть пирушку только тогда, когда варвары, овладев стенами, со всех сторон врывались в город» (Salv. *De gub. Dei* VI, 13), и представителей церкви: «Сколько вы найдете в церкви, кто бы не был пьяницей?..» (III, 9), и в целом всего общества: «этот порок [пьянство] обычен и для знати, и для низов» (VII, 15). Иероним Стридонский, опираясь на тексты Нового Завета, также поднимает проблему пьянства: «вино, в нем же есть роскошь (Еф. 5, 8), и добро человеку не есть мяса, не пить вина (Рим. 14, 21) ... за опьянением последовало обнажение чресл, похоть, соединенная с распущенностью» (Hier. *Ep.* XXII). Пьянство являлось также и характерной чертой образа жизни некоторых цезарей и императоров, о чем свидетельствует Аноним Валезия в «Жизнеописании императора Константина»: так, цезарь Север характеризуется им как человек, который «прост нравами, так и происхождением, он был пьяницей и через это [приходился] другом Галерию» (Anonym. *Vales.* IV, 9); последнего Аноним Валезия характеризует как «пьяницу, что, бывало, нетрезвым приказывал делать то, чего совершать не следовало бы, потому, по совету префекта, он определил, чтобы никто не выполнял его приказаний, [отданных] после трапезы» (IV, 11). Предполагается, что такая практика могла быть фактором распространения пьянства среди приближенных к императорской среде чиновников, а затем и в более отдаленных от Рима регионах.

Пьянство является также неотъемлемым элементом образа жизни варваров. Однако в отношении и этого порока Сальвиан определяет их большую степень порядочности отно-

сительно представителей римской среды: «Можете ли вы говорить, что ... пьянство у алеманов столь же предосудительно, как и среди христиан?» (Salv. *De gub. Dei* IV, 14). Однако у франкского историка Григория Турского прослеживается иной взгляд на вышеотмеченную «порядочность»: автор упоминает о специальных местах для распития алкогольных напитков варварами: «в том городе [Кёльне] было капище, наполненное разными украшениями, куда варвары тех мест обычно приносили приношения и где они объедались и опивались вином до блевотины» (Greg. *Tur. Vit. Patr.* 6, 2). Григорий Турский признает, что эта варварская практика аналогична возлияниям, которые были переняты христианством из языческой римской практики, несмотря на то, что первая включала не только употребление спиртных напитков, но, что достаточно примечательно, и их срыгивание. Обращая внимание на последнее действие, можно предположить о несоблюдении варварами рамок дозволенного в контексте употребления алкоголя.

Значимыми проявлениями деморализации общественной жизни римлян представляются *распутство* и *прелюбодеяние*. «Римская история» Аммиана Марцеллина содержит множество упоминаний о прелюбодеяниях римских граждан: казнь сенатора Цетега, привлеченного «к ответственности за прелюбодеяние» (Amm. *Marc.* XXVIII, 1), многочисленные казни матрон знатного происхождения «по обвинению в прелюбодеяниях и безнравственности» (XXVIII, 1) и др. Сальвиан в данном контексте представляет римское общество как «публичный дом», подчеркивая, что «он [публичный дом] менее греховен [чем все римское общество в целом] ...» (Salv. *De gub. Dei* VII, 3), при этом не выделяя каких-либо возрастных границ: «Не было различия между юнцами и старцами... Одновременно господствовали все пороки: ... они играли, пили, прелюбодействовали» (VI, 13). Иероним Стридонский характеризует похоть следующим образом: «...и огонь похоти пылал в человеке, который заранее умер в своей плоти» (Hier. *Ep.* XXII); смерть человеческой плоти, по мнению церковного писателя, наступает в связи с вселением в душу человека демонов: «это первое оружие демонов против молодости» (Ibid.); по мнению церковного писателя, одной из причин распространения распутства является злоупотребление алкоголем, как отмечалось выше. Иероним также отмечает и насущную актуальность данной проблемы в римском обществе: «горько сказать, сколько каждый день падает девиц, скольких Мать-Церковь теряет от своего лона, выше скольких звезд гордый враг поставляет престол свой; сколько камней он выдалбливает и гнездится как змей во впадинах их» (Ibid.).

Культуре варварских племен данные пороки практически не свойственны. Из всех наиболее «целомудренными» были жестокие вандалы, господствовавшие в Северной Африке. Сальвиан, обозначая римскую принадлежность к прелюбодеянию как «поражение одной болезнью» (Salv. *De gub. Dei* VII, 17), затронувшей и женщин, и мужчин, представляет вандалов как «исцелителей»: «... теперь варвары очищают своим целомудрием земли, загрязненные блудом римлян» (VII, 10). Основные способы «исцеления» североафриканского общества также отмечены автором: «Они заставляют всех проституток выходить замуж. Они превращают блудниц в жен, исполняя слова апостола, чтобы каждая женщина имела мужа, а каждый мужчина – жену... Для подавления блуда вандалы используют и суровые указы, защищающие целомудрие» (VII, 22). В текстах марсельского пресвитера можно выявить свидетельства, позволяющие расширить границы представления о варварском целомудрии: «Среди целомудренных варваров мы развратны. Я скажу больше: сами варвары оскорблены нашей нечистотой. У готов запрещены внебрачные связи, только римляне, живущие в их землях ... позволяют себе этот порок» (VII, 6).

Каковы же последствия развития и распространения в общественной жизни вышеуказанных пороков? Одним из наиболее серьезных представляется упадок интеллектуальной культуры, той культуры, которой когда-то гордился Рим в эпоху его расцвета. Позднеантичная цивилизация «уже не имела ни мудрых беспристрастных историков, ни вдохновенных и увлекательных поэтов; языческие писатели все больше впадали в цветистую риторику и откровенное пустословие, а христианские авторы заботились лишь о прославлении

своей религии, пренебрегая исторической достоверностью» [Федорова, 1990, с. 321]. Упадок интеллектуальной культуры и, как следствие, общественного устройства представлен в одном из писем Сидония Аполлинария: «У вас бдительность составляет качество воров, а магистрат спит; духовенство отдает деньги в рост, а сирийцы распевают по улицам, как духовные; купцы ведут войну, а солдаты торгуют; евнухи упражняются в фехтовании, а мирные варвары предаются наукам» (*Sid. Ep.* I. 8).

Сидоний Аполлинарий являлся одним из борцов за сохранение высокого уровня культуры и образованности, в частности великого латинского языка. Некоторыми задачами формирования своей эпистолярной коллекции Сидонием, согласно исследованию Е.В. Литовченко, были «уберечь латынь от варваризмов, сплотить круг образованной аристократии, желающей сохранить классические ценности и устои» [Литовченко, 2023, с. 169]. Следует заметить и тот факт, что романизированные варвары, хотя и не воспринимались полноценными римлянами, однако «удостаивались похвалы... почитались как равные» [Там же, с. 170], несмотря на более ранние высказывания Сидония: «ты избегаешь варваров, так как они считаются плохими, а я даже в том случае, когда они хороши» (*Ep.* VII. 14, 10). Поздние письма свидетельствуют о принятии Сидонием преобладающего над римлянами положения варваров, о чем свидетельствует его стихотворение, посвященное жене Эйриха Рагнахильде (*Ep.* IV. 8, 5) (стоит заметить, что она владела латынью на высоком уровне, что не могло не вызвать у Сидония большого уважения к ее персоне).

Значимым последствием является также и упадок гражданской идентичности в римском обществе: большинство представителей угнетенных слоев населения отказываются быть римлянами и «идут искать у варваров римского человеколюбия, потому что не могут перенести у римлян варварской бесчеловечности... им легче привыкнуть к [чуждому им] варварскому быту, нежели переносить несправедливую жестокость римлян» (*Salv.* V, 5). Об этом упоминает и Павел Орозий: «варвары, предав проклятию мечи, обратились к сохе и оказывают поддержку теперь оставшимся римлянам как друзьям и союзникам, так что живут среди них теперь римляне, которые больше предпочитают пользоваться среди варваров, живя в нужде, свободой, нежели нести среди римлян податную обязанность» (*Oros.* VII, 40, 7). Таким образом, высокая ценность «звания» римского гражданина сменилась презрением и отвращением к нему, ненависть к внешним врагам – «диким» варварам – сотрудничеством с ним, хотя иногда и вынужденным.

Заключение

На основании вышесказанного можно сделать следующий вывод: падение в Римской империи, особенно в западной ее части, гражданской активности населения привело к увеличению числа распространявшихся в общественной жизни пороков, проявлявшихся в разных формах. Письменные источники позднеантичной эпохи свидетельствуют о наличии интереса их авторов к данной проблеме: они размышляют о причинах, высказывают свое отношение к происходящей на их глазах деморализации и общей деградации общества, а также формируют два образа – «римский» и «варварский» для представления наивысшей степени актуальности и трагичности данного процесса. Прежние римляне, гордившиеся своим статусом, своей империей, уже не ощущают этой гордости: ведь теперь быть римлянином значит презирать и угнетать низшие слои, быть лицемером и корыстным человеком по отношению к представителям высшего общества, проводить свободное время за пьянством и развратом – со всем этим не могли смириться оставшиеся «интеллектуалы». Сформированный ими образ бывшего до этого врага и представленный как образец коллективизма, равенства и целомудрия, может свидетельствовать об ощущении позднеантичными авторами неизбежности конца их цивилизации, важную роль в котором играли и продолжают играть не внешние враги, а внутренние – сами граждане Рима.

Список литературы

- Аммиан Марцеллин. 2005. Римская история. Пер. с латинского Ю.А. Кулаковского, А.И. Сонни. Москва, АСТ, 631 с.
- Аноним Валезия. 2000. Жизнеописание императора Константина. Формы исторического сознания от поздней античности до эпохи Возрождения (Исследования и тексты): Сборник научных трудов памяти Клавдии Дмитриевны Авдеевой. Отв. ред. И.В. Кривушин, пер. с лат. В.М. Тюленева. Иваново, Ивановский государственный университет, 176–193.
- Блаженный Августин. 1998. О граде Божьем. Творения. Сост. и подгот. текста к печати С.И. Еремеева. Санкт-Петербург, Алетейя, 595 с.
- Бредихин В.В. 2023. Образы варварской жестокости в «Historia persicutionis Africanae provinciae». Классическая и византийская традиция: сборник материалов XVII Международной научной конференции: 85–90.
- Бозций. 1990. «Утешение философией» и другие трактаты. Ред. Г.Г. Майорова. Москва, Наука, 413 с.
- Виктор Витенский. 2007. История гонений в африканской провинции. Церковные историки IV–V веков. Пер. с лат., сост. Высокий М.Ф., Тимофеев М.А. Москва, РОССПЭН, 621 с.
- Григорий Богослов, архиеп. Константинопольский. 2007. Творения. Полное собрание творений святых отцов церкви и церковных писателей в русском переводе. Т. 1: Слова. Москва, Сибирская благовозвонница, 895 с.
- Дрязгунов К.В. 2009. Причины падения Западной Римской империи. *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*, 10: 69–72.
- Зобнина А.А. 2004. Отражение проблем падения Западной Римской империи в творчестве Сальвиана Массильского: дисс. канд. ист. наук. Смоленск, 2004, 194 с.
- Клавдий Клавдиан. 2008. Полное собрание латинских сочинений. Пер., вступ. ст., комм. и указатели Р.Л. Шмаракова. Санкт-Петербург, 840 с.
- Литовченко Е.В. 2023. «Объятия писем»: текстовые механизмы коммуникации. *Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики*, 4: 159–177.
- Литовченко Е.В. 2011. Проблема репрезентации образа позднеантичной эпохи в письменной традиции авторов Латинского Запада IV–V вв. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия История. Политология*. 1: 27–32.
- Мишле Ж. 2001. Общая картина римского общества перед падением Западной Римской империи. История Средних веков: От падения Западной Римской империи до Карла Великого (476–768 гг.). Москва, АСТ, 75–78.
- Павел Орозий. 2004. История против язычников. Книги I–VII. Пер. с лат., вступ. ст., коммент. и указатель В.М. Тюленева. Санкт-Петербург, Издательство Олега Абышко, 383 с.
- Пруденций. 2012. Сочинения. Пер. с лат. Р.Л. Шмаракова. Москва, Водолей, 261 с.
- Речи Либания. 1914. Т. 1. Пер. с греч. С. Шестакова. Казань, Типография императорского университета, 524 с.
- Сальвиан. 1970. О мироправлении Божиим (V. 4–5; VI, 13, 15). Пер. под ред. И.П. Стрельниковой. Памятники средневековой латинской литературы IV–IX веков. Москва, Наука.
- Семичева Е.А. 2019. К вопросу о структуре «Бревиария» Феста. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология*. 46(2): 236–241.
- Сказания Приска Панийского. 1861. Пер. с лат. С. Дестунис. Ученые записки второго отделения императорской академии наук 8. Санкт-Петербург, 112 с.
- Стасюлевич М.М. 2001. История Средних веков: От падения Западной Римской империи до Карла Великого (476–768 гг.). Москва, АСТ, 496 с.
- Творения Блаженного Иеронима (Стридонского). 1893. Ч. 1. Пер. с лат.
- Терещенко Т.С. 2015. Дихотомия «римляне – варвары», этническая идентичность и границы в контексте этнокультурной трансформации эпохи Великого переселения народов. Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. *Вопросы теории и практики* 7: 171–176.
- Тюленев В.М. 2004. Орозий и его «История против язычников». Павел Орозий. История против язычников. Книги I–VII. Санкт-Петербург, Издательство Олега Абышко, 5–83.
- Федорова Е.В. 1990. Люди имперского Рима. Москва, Изд-во Московского, 363.

- The Letters of Sidonius. 1915. Translated, with Introduction and Notes by Dalton O.M. 2 vols. Oxford / пер. с англ. Д.С. Конькова, Е.В. Литовченко, Э.М. Манукяна, Ф.А. Петровского, М.М. Стасюлевича, Н.Н. Трухиной, В.М. Тюленева.
- Vita Patrum: Житие отцов, составленное святителем Григорием Турским. Предисловие отца Серафима (Роуза). Пер. с латин. и фр. яз. на англ. осуществлен о. Серафимом (Роузом) и Полом Бартлетом; пер. на рус. Лидии Васениной; ред. и вступ. материал о. Серафима (Роуза). Москва, Братство преп. Германа Аляскинского Платина, Калифорния.
- Pohl W. 2013. Christian and Barbarian Identities in the Early Medieval West: Introduction. Post-Roman Transitions: Christian and Barbarian Identities in the Early Medieval West. Turnhout, Brepols Publishers, 1–46.

References

- Ammianus Marcellinus. 2005. Rimskaja istorija [Res Gestae]. Per. s latinskogo Ju.A. Kulakovskogo, A.I. Sonni. Moscow, AST, 631 p.
- Anonymus Valesianus. 2000. Zhizneopisanie imperatora Konstantina [Origo Constantini Imperatoris]. In: Formy istoricheskogo soznaniya ot pozdnej antichnosti do jepohi Vozrozhdenija (Issledovanija i teksty): Sbornik nauchnyh trudov pamjati Klavdii Dmitrievny Avdeevoy. Otv. red. I.V. Krivushin, per. s lat. V.M. Tjuleneva. Ivanovo, Ivanovskij gosudarstvennyj universitet, 176–193.
- Aurelius Augustinus. 1998. O grade Bozh'em [De Civitate Dei contra paganos]. In: Tvorenija. Sost. i podgot. teksta k pečati S. I. Eremeeva. Saint Petersburg, Aletejja, 595 p.
- Bredihin V.V. 2023. Obrazy varvarskoj zhestokosti v “Historia persicutionis Africanae provinciae” [Images of Barbarian Violence in Victor of Vita]. In: Klassicheskaja i vizantijskaja tradicija: sbornik materialov XVII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii: 85–90.
- Boethius. 1990. «Uteshenie filosofiej» i drugie traktaty [“De Consolatione Philosophiae” and Other Treatises]. Red. G.G. Majorova. Moscow, Nauka, 413 c.
- Claudius Claudianus. 2008. Polnoe sobranie latinskih sochinenij [Complete Collection of Latin Works]. Per., vstup. st., komm., i ukazateli R.L. Shmarakova. Saint Petersburg, 840 p.
- Drjazgunov K.V. 2009. Prichiny padenija Zapadnoj Rimskoj imperii [Reasons for the Fall of the Western Roman Empire]. In: Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk, 10: 69–72.
- Fedorova E.V. 1990. Ljudi impereskogo Rima [People of Imperial Rome]. Moscow, Izd-vo Moskovskogo, 363 p.
- Gregorius Nazianzenus. 2007. Tvorenija [Works]. In: Polnoe sobranie tvorenij svjatyh otcov cerkvi i cerkovnyh pisatelej v russkom perevode. T. 1: Slova. Moscow, Sibirskaja blagozvonnica, 895 p.
- Litovchenko E.V. 2023. «Ob'jatija pisem»: tekstovye mehanizmy kommunikacii. Nauchnyj rezul'tat [In the Arms of Letters: Text Mechanisms of Communication in Late Antique Epistolary Networks]. In: Voprosy teoreticheskoy i prikladnoj lingvistiki 4: 159–177.
- Litovchenko E.V. 2011. Problema reprezentacii obraza pozdneantichnoj jepohi v pis'mennoj tradicii avtorov Latinskogo Zapada IV–V vv. [Problem of Representation of the Late Antiquity Image in the Written Tradition of Authors of Latin West in IV–V centuries A. D.] In: Nauchnye vedomosti. Serija Istorija. Politologija, 1: 27–32.
- Mishle Zh. 2001. Obshhaja kartina rimskogo obshhestva pered padeniem Zapadnoj Rimskoj imperii [General Picture of Roman Society Before the Fall of the Western Roman Empire]. In: Istorija Srednih vekov: Ot padenija Zapadnoj Rimskoj imperii do Karla Velikogo (476–768 gg.). Moscow, AST, 75–78.
- Paulus Orosius. 2004. Istorija protiv jazychnikov [Historiarum Adversum Paganos Libri Septem]. Per. s lat., vstup. st., komment. i ukazatel' V.M. Tjuleneva. Saint Petersburg, Izdatel'stvo Olega, 383 p.
- Prudentius. 2012. Sochinenija [Works]. Per. s lat. R.L. Shmarakova. Moscow, Vodolej, 261 p.
- Rechi Libanija [Libanius' Speeches]. 1914. T. 1 / per. s grech. S. Shestakova. Kazan', Tipografija imperatorskogo universiteta, 521p.
- Salvian. 1970. O miropravlenii Bozhiem [De Gubernatione Dei]. Per. pod red. I.P. Strel'nikovoj. In: Pamjatniki srednevekovoj latinskoj literatury IV–IX vekov. Moscow, Nauka.
- Semicheva E.A. 2019. K voprosu o strukture «Breviarija» Festa [On the Issue of the Structure of Festus' Brevuarium]. In: Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija. Politologija. 46(2): 236–241.

- Skazaniya Priska Panijskogo [Works of Priscus Panius]. 1861. Per. s lat. S. Destunis. In: Uchenye zapiski vtorogo otdeleniya imperatorskoj akademii nauk 8. Sankt-Peterburg, 112 p.
- Stasjulevich M.M. 2001. Istorija Srednih vekov: Ot padenija Zapadnoj Rimskoj imperii do Karla Velikogo (476–768 gg.) [History of the Middle Ages: From the Fall of the Western Roman Empire to Charlemagne (476–768)]. Moscow, AST, 496.
- Tereshhenko T.S. 2015. Dihotomija «rimljane – varvary», jetnicheskaja identichnost' i granicy v kontekste jetnokul'turnoj transformacii jepohi Velikogo pereselenija narodov [The “Romans – Barbarians” Dichotomy, Ethnic Identity and Borders in the Context of the Ethnocultural Transformation of the Era of the Great Migration]. In: Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. *Voprosy teorii i praktiki* 7: 171–176.
- The Letters of Sidonius. 1915. Translated, with introduction and notes by Dalton O.M. 2 vols. Oxford. Per. s angl. D.S. Kon'kova, E.V. Litovchenko, Je.M. Manukjana, F.A. Petrovskogo, M.M. Stasjulevicha, N.N. Truhinoj, V.M. Tjuleneva.
- Tjulenev V.M. 2004. Orozij i ego «Istorija protiv jazychnikov» [Orosius and His “Historiarum Adversum Paganos Libri Septem”]. In: Pavel Orozij. Istorija protiv jazychnikov. Knigi I–VII. Sankt-Peterburg, Izdatel'stvo Olega Abyshko, 5–83.
- Tvorenija Blazhennogo Ieronima (Stridonskogo) [Works of Hieronymus]. 1893. Ch. 1. Per. s lat.
- Victor of Vita. 2007. Istorija gonenij v afrikanskoj provincii [Historia persicutionis Africanae provinciae]. In: Cerkovnye istoriki IV–V vekov. Per. s lat., sost. Vysokij M.F., Timofeev M.A. Moscow, ROSSPJeN, 621 p.
- Vita Patrum: Zhitie otcov, sostavlennoe svjatitelem Grigoriem Turskim [Vita Patrum by Gregorius Turonensis]. Predislovie otca Serafima (Rouza). Per. s latin. i fr. jaz. na angl. osushhestvlen o. Serafimom (Rouzom) i Polom Bartletom; per. na rus. Lidii Vaseninov; red. i vstup. material o. Serafima (Rouza). Moscow, Bratstvo prep. Germana Aljaskinskogo Platina, Kalifornija.
- Zobnina A.A. 2004. Otrazhenie problem padenija Zapadnoj Rimskoj imperii v tvorcestve Sal'viana Massil'skogo [Reflection of the Problems of the Fall of the Western Roman Empire in the Works of Salvian of Massila]: diss. kand. ist. nauk. Smolensk, 2004, 194 p.
- Pohl W. 2013. Christian and Barbarian Identities in the Early Medieval West: Introduction. In: Post-Roman transitions: Christian and Barbarian Identities in the Early Medieval West. Turnhout, Brepols Publishers, 1–46.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 18.05.2024

Received 18.05.2024

Поступила после рецензирования 11.08.2024

Revised 11.08.2024

Принята к публикации 14.08.2024

Accepted 14.08.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Бредихин Владимир Вадимович, аспирант кафедры всеобщей истории, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Vladimir V. Bredikhin, Postgraduate Student, Department of General History, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

 [ORCID: 0009-0001-1407-8744](https://orcid.org/0009-0001-1407-8744)